

III

Б. В. АНАНЬИЧ

О ТЕКСТЕ МАНИФЕСТА 26 ФЕВРАЛЯ 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского)

Манифест 26 февраля 1903 г. «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка»¹ принадлежит к числу документов, обозначивших своим появлением определенный этап во внутренней политике самодержавия начала XX в. Неполных два года отделяли Россию от революции, и в манифесте отразились несомненные признаки нарастающего кризиса власти. «Самодержавие колеблется. Самодержец сам признается в этом публично перед народом. Таково громадное значение царского манифеста от 26 февраля, и никакие условные фразы, никакие оговорки и отговорки, переполняющие манифест, не изменят исторического значения сделанного шага», — так оценил манифест В. И. Ленин, откликнувшийся на его появление статьей «Самодержавие колеблется...», опубликованной 1 марта 1903 г. на страницах «Искры».²

Манифест 26 февраля не предусматривал проведения преобразований радикального характера и по духу своему строго соответствовал политическому курсу министра внутренних дел В. К. Плеве. В июле 1904 г. Плеве был убит, а вступление на министерский пост его преемника П. Д. Святополк-Мирского ознаменовалось поворотом во внутренней политике царизма, нашедшим свое отражение в царском указе Сенату 12 декабря 1904 г. С его появлением манифест 26 февраля утратил свое значение и стал достоянием истории как один из первых государственных актов в условиях революционной ситуации начала XX в., призванных, по замыслу правительственных кругов, сдержать нарастающее революционное движение.

До последнего времени обстоятельства появления манифеста 26 февраля 1903 г. не изучались, да и сведения о них были чрезвычайно скудными. Основным их источником служили воспоминания сотрудников Министерства внутренних дел В. И. Гурко и Д. Н. Любимова, принадлежавших к окружению В. К. Плеве и принимавших участие в окончательной подготовке текста мани-

феста. Оба автора утверждали, что манифест был изготовлен спешно, в течение одной ночи, а по предложению Гурко в манифест был включен пункт об облегчении крестьянам выхода из общины. Воспоминания Гурко вышли в свет на английском языке в 1939 г.,³ а Д. Н. Любимова — стали известны советскому читателю только в 1962 г. благодаря публикации А. Л. Сидоровым извлечений из них в журнале «Исторический архив».⁴ Между тем в том же 1962 г. в Англии И. Виноградов опубликовал письма Николая II к известному редактору и издателю консервативной газеты «Гражданин» В. П. Мещерскому, пролившие новый свет на историю появления манифеста 26 февраля 1903 г.⁵ Эти документы были тщательным образом использованы Ю. Б. Соловьевым и послужили ему основой для статьи, посвященной истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г.⁶ Как показал Соловьев, публицистические выступления В. П. Мещерского в начале 1902 г., а также письма к нему царя дают основания утверждать, что подготовка манифеста началась почти за год до его опубликования, а издатель «Гражданина» был душою всего дела с самого его начала и составителем проекта манифеста.

В письмах Николая II В. П. Мещерскому манифест впервые упоминается 18 апреля 1902 г. В этот день царь возвратил Мещерскому составленный им проект манифеста и одобрил его «как мысль».⁷ В середине мая 1902 г. царь «долго и подробно» беседовал о манифесте с Плеве и отложил его издание по настоянию министра. В конце мая в одном из писем Николай II одобрительно отозвался о работе Мещерского и Плеве над проблемами государственных преобразований.⁸ Речь шла о подготовке манифеста. Поощряя своих помощников, Николай II и сам продолжал активно участвовать в затянувшейся литературной работе. «Постоянно думая о манифесте, — писал царь Мещерскому 26 ноября 1902 г., — я все более склоняюсь к мысли об издании его в Новом Году. Прилагаю проект твой, переделанный Плеве. Может быть, ты его обработаешь и пришлешь мне с пояснительной запиской».⁹ Наступил новый год, а работа над манифестом все еще продолжалась. 5 января Николай II в который раз благодарил Мещерского «за исправленный и дополненный проект манифеста» и опять сообщал о своем намерении отложить публикацию: «Дело слишком серьезное, и я его еще изучаю. Прощай, верь и надейся». 14 января царь, наконец, сообщил, что «манифест появится на днях». «Статью о свободе слова я совсем вычеркнул. Она была бы несвоевременна», — писал царь о последних результатах своей работы над текстом.¹⁰

В задержке публикации манифеста Мещерский винил Плеве. К началу 1903 г. их отношения приняли просто враждебный характер. В бумагах Мещерского сохранился отрывок из дневника от 20 января 1903 г., написанный специально для царя и содержащий убийственную характеристику Плеве. Мещерский писал о событиях 19 января, когда у него были сенатор С. Ф. Платонов (на-

значенный в мае 1902 г. благодаря протекции Мещерского членом Государственного совета) и министр финансов С. Ю. Витте по поводу «разработки сообща» проекта Губернского совета. Затем Витте ушел, Платонов и Мещерский остались вдвоем, заговорили о манифесте и Плеве. Этот придуманный или действительно имевший место диалог, пересказанный Мещерским в «дневнике», и должен был зародить в душе Николая II недоверие к Плеве. Мещерский представил себя в этом диалоге пассивной стороной. Говорил Платонов: о предчувствии, что молчание по поводу манифеста «зловещее» и что «Плеве сидит в своем кабинете и строчит свое мертвое слово», чтобы «заразить» манифест «ядом смерти». Платонов рисовал Плеве бездушным человеком, более всего боявшимся, чтобы царь «не угадал его мелкоту и фальшивость и не стал искать себе министра под стать делу». «Для Плеве, — говорил Платонов, — государь другой Лорис, другой гр. Толстой, за которым надо ухаживать и которого надо обманывать настолько, насколько это нужно».¹¹

Мещерский представил Платонова человеком, открывшим ему глаза. Он «долго ночью предавался размышлениям по поводу слов Платонова о Плеве» и чувствовал «их правду», а затем мысленно вступил в разговор с самим царем, обратившись к нему с упреками и обвинениями в том, что царь не доверяет ему, Мещерскому, и подпадает под «силу злого ... влияния».¹²

Трудно сказать, когда именно это литературное сочинение в законченном виде попало на стол императора, но Плеве оно, по-видимому, вовсе не повредило и едва ли сказалось на заключительной стадии подготовки манифеста. В этом деле последнее слово осталось все-таки за министром внутренних дел. «Посылаю вам на прочтение проект манифеста, — писал Николай II Плеве 25 февраля 1903 г., — который я желаю дать завтрашним числом 26-го, прошу вас заехать ко мне в 4 часа, в случае вы нашли бы нужным переговорить со мною по этому поводу».¹³ Окончательная редакция манифеста готовилась в Министерстве внутренних дел сотрудниками Плеве. Этот заключительный этап подготовки манифеста, видимо, и нашел свое отражение в воспоминаниях В. И. Гурко и Д. Н. Любимова. Задание Плеве срочно подготовить текст манифеста, надо полагать, было воспринято ими как дело совершенно новое.¹⁴ Не означает ли это, что к моменту, когда Плеве обратился за помощью к своим сотрудникам, от проекта Мещерского в результате его переработки не осталось и следа?¹⁵ Что же все-таки представлял собою проект Мещерского и в какой степени он подвергся изменению? Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на документы, отложившиеся в бумагах Мещерского в связи с подготовкой манифеста 26 февраля 1903 г.

В фонде В. П. Мещерского в ЦГАДА сохранилась редакция полного проекта манифеста на четырех отдельных листах,¹⁶ а также появившиеся в результате ее переработки фрагменты других редакций. Все они машинописные, без заголовков, со сле-

дами незначительной правки карандашом или чернилами. Кроме полного текста проекта (обозначим его — редакция I), сохранились фрагмент, включающий введение и начало первого абзаца постановляющей части, на двух отдельных листах¹⁷ (обозначим его — редакция II); фрагмент, включающий постановляющую часть манифеста, начиная с четвертого абзаца, и заключение, на трех отдельных листах¹⁸ (обозначим его — редакция III). Кроме того, в деле сохранились еще на двух полулистах отрывки текста, соответствующие редакции III. На первом полулисте текст четвертого, пятого и начала шестого абзацев постановляющей части.¹⁹ От редакции III он отличается только вставкой к пятому абзацу, сделанной чернилами. На втором полулисте текст восьмого абзаца постановляющей части и начало заключения.²⁰

Из трех существенных исправлений в текстах только одно сделано характерным почерком Мещерского. Таким образом, в пользу принадлежности рассматриваемых проекта манифеста и его вариантов Мещерскому свидетельствуют как его переписка с царем, так и то, что все эти документы отложились в архиве редактора «Гражданина».

Поскольку редакции проекта не датированы и в бумагах Мещерского не сохранилось никаких сопроводительных к ним документов или пояснительных записок, составлявшихся по просьбе царя, то установить точное время их написания невозможно. Нет основания утверждать, что мы располагаем самой первой редакцией проекта манифеста и ей не предшествовали какие-либо другие черновые наброски. И тем не менее сопоставление сохранившихся документов с окончательным (опубликованным) текстом манифеста дает возможность судить и о первоначальных замыслах его составителя, и о том, какой они подверглись переработке.

Уже сопоставление имеющихся в нашем распоряжении введений к редакции I, редакции II и опубликованному тексту свидетельствует о том, что редакция I послужила основой для будущего манифеста:

I

Вступив восемь лет назад на прародительский престол, мы положили в сердце своем священный обет перед богом и нашею совестью свято блюсти основы Российской державы и посвятить нашу жизнь служению на благо нашего возлюбленного народа.

II

Вступив восемь лет назад на прародительский престол, мы положили в сердце своем священный обет перед богом и нашею совестью свято блюсти основы Российской державы и посвятить нашу жизнь служению на благо нашего возлюбленного народа.

Окончательный текст

Объявляем всем верным нашим подданным: Изволением промысла божия, вступив на прародительский престол, мы приняли священный обет перед лицом всевышнего и совестью нашею свято блюсти вековые устои державы Российской и посвятить жизнь нашу служению возлюбленному отечеству.

I

В заботах о сем, мы приняли указания путей, ведущих к осуществлению народного блага в разуме дел наших предшественников, и прежде всего незабвенного нашего родителя. От него вместе с царством мы унаследовали мудрое сознание его, что все народные блага непрочны, доколе они не утверждены на незыблемом внутреннем порядке.

Богу угодно было работу возлюбленного родителя нашего на сем пути прервать его преждевременною кончиною и на нас возложить священный долг посвятить первые годы нашего царствования довершению прерванной задачи, одновременно с изучением многочисленных нужд государственной и народной жизни.

К глубокому нашему прискорбию, брожения в отдельных кружках общества, вызванные отчасти замыслами врагов государства и порядка и отчасти увлечениями отдельных лиц мыслию искать счастья русского народа в чуждых ему началах государственной жизни иноземных государств, внесли в жизнь смуту, мешающую дружному и спокойному объединению всех для общей работы по утверждению народного благосостояния.

Эта смута тем более прискорбна, что, проникая отголосками в школу и в крестьянскую среду, она не только бесполезно волнует умы и отвлекает необходимые силы от полезного труда,

II

В заботах о сем, мы приняли указания путей, ведущих к осуществлению народного блага в разуме дел наших предшественников, и прежде всего незабвенного нашего родителя. От него вместе с царством мы унаследовали мудрое сознание его, что все народные блага непрочны, доколе они не утверждены на незыблемом внутреннем порядке.

Богу угодно было работу возлюбленного родителя нашего на сем пути прервать его преждевременною кончиною и на нас возложить священный долг посвятить первые годы нашего царствования довершению прерванной задачи, одновременно с изучением многих нужд государственной и народной жизни.

К глубокому нашему прискорбию, брожения в отдельных кружках общества, вызванные отчасти замыслами врагов государства и порядка и отчасти увлечениями отдельных лиц мыслию искать счастья народа русского в чуждых ему началах государственной жизни иноземных стран, внесли в жизнь смуту, мешающую дружному и спокойному объединению всех для общей работы по утверждению народного благосостояния.

Эта смута тем более прискорбна, что, проникая отголосками в школу и в крестьянскую среду, она не только бесполезно волнует умы и отвлекает необходимые силы от полезного тру-

Окончательный текст

В неуспешных заботах о подданных наших мы обрели пути к осуществлению народного блага в разуме приснопамятных дел державных наших предшественников и, прежде всего, незабвенного родителя нашего.

Богу всемогущему угодно было, в неисповедимых путях своих, прервать преждевременною кончиною державные труды возлюбленного родителя нашего и тем возложить на нас священный долг довершить начатое им дело укрепления порядка и правды в русской земле в соответствии с возникающими потребностями народной жизни.

К глубокому прискорбию нашему, смута, посеянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни, препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния. Смута эта, волнуя умы, отвлекает их от производительного труда и нередко приводит к гибели молодые силы, дорогие нашему сердцу и необходимые их семьям и родине.

но нередко влечет за собой полную гибель молодых жизней, столь дорогих нашему родительскому сердцу и столь нужных их семьям и родине.

В ясном сознании возложенной на нас богом ответственности за счастье нашего народа мы не можем допустить, чтобы водворению порядка, как главной основы этого счастья, мешали попытки с целями противоположными и чтобы свобода, которую мы признаем нужною, как условие труда и жизни каждого из наших верноподданных, могла быть в зависимости от своеволия некоторых.

Вследствие сего требуя от всех исполнителей нашей воли, ко благу России направленной, как высших, так и низших, твердого и честного противодействия всякой попытке к своевольному нарушению правильного течения государственной и народной жизни, мы с столь же твердою решимостью удовлетворить настоятельным нуждам народного благосостояния признаем за

да,* но нередко влечет за собою полную гибель молодых жизней, столь дорогих нашему родительскому сердцу и столь нужных их семьям и родине.

В ясном сознании возложенной на нас богом ответственности за счастье нашего народа мы не можем допустить, чтобы водворению порядка, как главной основы этого счастья, мешали попытки с целями противоположными и чтобы свобода, которую мы признаем нужною, как условие труда и жизни каждого из наших верноподданных, могла быть в зависимости от своеволия некоторых.

Вследствие сего требуя от всех исполнителей нашей воли, ко благу России направленной, как высших, так и низших, твердого и честного противодействия всякой попытке к своевольному нарушению правильного течения государственной и народной жизни, мы с столь же твердою решимостью удовлетворить назревшим нуждам нашего народа при-

требуя от всех исполнителей нашей воли, как высших, так и низших, твердого противодействия всякому нарушению правильного течения народной жизни и уповая на честное исполнение всеми и каждым их служебного и общественного долга, мы с непреклонною решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным признали за благо:

Введение к редакции II отличают от редакции I лишь незначительные стилистические поправки. Вполне возможно, что это результат работы над проектом самого Мещерского. Но редакция II, видимо, была возвращена Мещерскому с исправлением, сделанным красным карандашом другим лицом (не самим ли Николаем II?), учтенным затем в окончательном тексте. Что же касается последнего, то введение к нему повторяет почти полностью структуру введений к редакции I и редакции II. При составлении

* Слова «полезного труда» зачеркнуты, сверху красным карандашом написано «производительного труда».

окончательного текста введения из проекта был исключен целиком только один абзац, содержащий рассуждения об «ответственности» самодержца перед богом «за счастье... народа» и о признании им необходимости свободы как условия «труда и жизни каждого из... верноподданных». Остальные абзацы сохранились в первоначальном виде и порядке и лишь подверглись сокращению и некоторым исправлениям, выдержанным, впрочем, в определенном духе. Так, слова о готовности самодержца «посвятить... жизнь служению на благо... возлюбленного народа» (первый абзац) в окончательном тексте были уже адресованы «возлюбленному отечеству». В этом же духе была отредактирована фраза о решимости Николая II «удовлетворить настоятельным нуждам народного благосостояния» (последний абзац редакции I). В редакции II — «удовлетворить назревшим нуждам нашего народа»; в окончательном тексте — «удовлетворить назревшим нуждам государственным».

Самой значительной переработке подверглась основная, постановляющая часть манифеста:

I	II	Окончательный текст
1. Приблизить народные нужды к нашему престолу путем преобразования губернского и уездного управлений на началах ослабления зависимости удовлетворения многих нужд местной жизни от сложного делопроизводства, в высших государственных учреждениях, и расширения ее самостоятельности под охраною сильной, но строго перед нами ответственной власти.	1. Приблизить эти нужды к нашему престолу путем преобразования губернского и уездного управлений, на началах ослабления зависимости удовлетворения многих нужд местной жизни от сложного делопроизводства в высших государственных учреждениях, и расширения ее самостоятельности, под охраною сильной, но строго и закономерно перед	Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры сопряженными, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая православленную церковь перенесшей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим, инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной.
2. Пересмотреть в порядке, который будет нами указан, законоположения о сельских обывателях с тем, чтобы по установлению главных оснований преобразования, дальнейшая разработка и осуществление на деле задачи улучшения их быта, применительно к особенностям и нуждам каждой местности, были производимы на местах общемою работою правительственных лиц и достойных	Продолжать деятельность в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы.	В соответствии с подлежащими задачами по упорядочению народного хозяйства направить

I

представителей местных нужд в губерниях и в уездах.

3. Деятельно продолжать начатые мероприятия к улучшению материального положения сельского духовенства и поднятия его значения в общественной жизни прихожан.

II

Окончательный текст

деятельность государственных кредитных учреждений, особенно Дворянского и Крестьянского поземельных банков, к вящему укреплению и развитию благосостояния основных устоев русской сельской жизни — поместного дворянства и крестьянства.

Предначертанные нами труды по пересмотру законодательства о сельском состоянии, по их первоначальному выполнению в указанном нами порядке, передать на места для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных. В основу сих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскав одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общин.

Принять безотлагательно меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки. Преобразовать губернское и уездное управление для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и законо-

III

4. Оставляя неприкосновенным общий строй общинного владения крестьян землею, безотлагательно принять меры к возможному облегчению отдельным крестьянам выхода из нее по их желанию, и к отмене круговой поруки.

5. В целях упорядочения сельского быта в согласовании с насущными потребностями местной жизни пересмотреть Положение о церковноприходских попечительствах, для образования из них средоточий сельской жизни везде, где сие возможно.

6. С целью облегчить возможность сохранения своих родовых имений тем из дворян, которые живут постоянно в своих усадьбах и состоят заемщиками Государственного дворянского банка, выработать для них облегченные условия платежей.

[4. В целях упорядочения сельского* быта, в согласовании с насущными потребностями местной жизни, пересмотреть

Положение о церковноприходских попечительствах, для образования из них средоточий сельской жизни везде, где сие возможно.

5. С целью облегчить возможность сохранения своих родовых имений тем из дворян, которые живут в своих усадьбах постоянно и состоят заемщиками Государственного дворянского банка, выработать для них облегченные условия пользования услугами сего банка.**

6. Разработать условия, на которых с пользою для нас и для государства могла бы быть расширена разумная свобода слова в согласовании с духом государственного строя и церкви.

* Идентичный текст 4-й, 5-й и начала 6-й статей сохранился на отдельном полулисте. По этому тексту восстановлены заключенные в квадратные скобки начальные слова 4-й статьи редакции III (ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 20, л. 4).

** После слов «сего банка» чернилами обозначено место для вставки дополнительного текста, но вставки нет. Она сделана теми же чернилами к 5-й статье на отдельном полулисте, где после слов «сего банка» вписано: «во всех случаях особенно затруднительного их хозяйственного положения» (ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 20, л. 4). Почерк дает основания предполагать, что эта вставка сделана В. К. Плеве.

7. Разработать условия, на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании с духом нашей церкви и государственного строя.

7. Подтвердить к руководству в обращении со всеми верованиями, не научающими вражде к государству, те основные государственные законы, которые, соединяя благоговейное почитание православной церкви как первенствующей и господствующей, с уважением к заветам веротерпимости, предоставляют всем, не принадлежащим к господствующей церкви российским подданным, христианских и нехристианских *** исповеданий, пользоваться свободным отправлением их веры «да все народы», как сказано в законе, «в России пребывающие славят бога всемогущего разными явками по закону и исповеданию их праотцов, моля творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы империи».

8. Деятельно продолжать начатые мероприятия к улучшению материального положения сельского духовенства и поднятия его значения в духовной и общественной жизни прихожан.

мерной властью, перед нами строго ответственной.

Поставить задачу дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквях там, где это предоставится возможным.

Сопоставление редакции I, редакции III с опубликованным текстом основной части манифеста свидетельствует о том, что первоначальные предложения Мещерского подверглись значительным изменениям. Редакция I включала в себя семь статей. Каждая статья начиналась с нового абзаца. В редакции III статей было восемь. В окончательном тексте составители отказались от нумерации статей, но условно (если каждый абзац основной части рассматривать как отдельную статью) их опять оказалось семь.

Статья I редакции I предусматривала необходимость проведения реформы уездного и губернского управлений как средства

*** Слова «и нехристианских» вписаны чернилами характерным почерком В. П. Мещерского.

«приблизить народные нужды к престолу». В окончательном тексте эта статья попала в шестой абзац в исправленном и измененном виде, причем необходимость «преобразовать губернское управление» рассматривалась уже только как один из способов «непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни».

Статьи 2 и 4 редакции I предусматривали пересмотр положения о крестьянах с участием правительственных лиц и местных представителей (ст. 2), а также принятие мер (ст. 4) к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины и к отмене круговой поруки при общем сохранении системы общинного землевладения. В окончательном тексте на их основе были составлены пятый абзац, состоявший всего из двух строк и провозглашавший отмену круговой поруки, и довольно пространный четвертый абзац. В нем объявлялось, в частности, о создании губернских совещаний на местах. Их Плеве хотел противопоставить местным комитетам Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, работавшего под председательством министра финансов С. Ю. Витте. Министр внутренних дел просто воспользовался изданием манифеста, чтобы придать законный характер этому своему намерению.

Ст. 3 редакции I об улучшении материального положения сельского духовенства и усилении его влияния на прихожан в редакции III стала ст. 8, а затем, после небольших стилистических исправлений, вошла во второй абзац окончательного текста манифеста.

Ст. 5 редакции I, посвященная церковно-приходским попечительствам, идентична ст. 4 в редакции III и опять-таки с исправлениями скорее стилистического характера составила седьмой абзац окончательного текста.

Ст. 6 редакции I по замыслу Мещерского должна была способствовать сохранению дворянского землевладения. Она требовала предоставления льготных условий заемщикам Дворянского банка. Статья эта в чуть-чуть подправленном виде сохранилась под номером пять в редакции III, причем в одном из отрывков этой редакции требование льготных условий было несколько смягчено и обусловлено особым затруднительным положением владельцев имений. Плеве, видимо, не решился на включение в манифест статьи, в такой откровенной форме защищавшей дворянское землевладение, и в окончательном тексте (третий абзац) ей был придан вид общей декларации о необходимости усовершенствования деятельности Дворянского и Крестьянского банков.

Самым значительным изменениям подверглась ст. 7, предлагавшая разработку условия для расширения «разумной» и согласованной с «духом... церкви и государственного строя» свободы слова и совести. В редакции III она оказалась под номером шестым, из нее было исключено упоминание о свободе совести. Эта тема послужила основанием для ст. 7 редакции III, однако в ней уже

говорилось не о свободе совести, а о первенствующем и господствующем положении православной церкви и уважении к заветам веротерпимости. Из ст. 7 редакции III затем был составлен первый абзац постановляющей части опубликованного текста манифеста. Ни о какой «разработке» условий для расширения свободы совести уже не было и речи. В манифесте говорилось лишь о неуклонном соблюдении «властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости» в соответствии с существовавшим законодательством. Так было покончено с предложением Мещерского о расширении свободы совести. Затем, как мы знаем из переписки Николая II с Мещерским, царь собственноручно вычеркнул и статью о свободе слова.

Заключительная часть манифеста, в отличие от постановляющей, не подверглась существенным изменениям по сравнению с проектом:

I

Призываем всех наших верноподданных всеми лучшими силами содействовать нам к утверждению в семье, в школе и в общественной жизни нравственного порядка, при котором на твердой основе самодержавия может быть достигнуто и развито народное благосостояние, разделяя с нами веру, что только сильное правительство может не бояться доверия к свободным общественным силам и дать каждому чувство прочности его прав.

Да будет же нам дано богом под сенью благословения нашей матери церкви, при честном единении правительственных и общественных сил исполнить наши помышления о создании прочного строя местной жизни как главного условия плодотворного труда и благосостояния нашего возлюбленного народа на исконных и твердых основах веры, власти и уважения к законам.

III

В непреложном убеждении, что только сильная власть может не бояться доверия к свободному развитию общественных сил, мы призываем всех наших верноподданных, без различия сословий и положений, содействовать нам к утверждению в семье, в школе и в общественной жизни нравственного порядка, при котором на твердой основе самодержавия должно быть достигнуто и развито народное благо и дано каждому чувство прочности его прав. Министрам же нашим и главноуправляющим отдельными частями, до коих вышеизложенное относиться может, повелеваем немедленно войти к нам с докладами о порядке исполнения наших предначертаний.

Да будет же нам дано богом под сенью благословения нашей матери церкви, при честном единении правительственных и общественных сил, исполнить наши помыш-

Окончательный текст

Призывая всех наших верноподданных содействовать нам к утверждению в семье, школе и общественной жизни нравственных начал, при которых, под сенью самодержавной власти, только и могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав, мы повелеваем Нашим Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, к ведомству коих сие относится, представить Нам сообщения о порядке исполнения предначертаний наших.

Господарь Вседержитель да ниспошлет благословение на Царственный труд наш и да поможет он нам, при тесном единении всех верных сынов Отечества, исполнить наши помышления об усовершенствовании государственного порядка установлением прочного строя местной жизни, как главного условия преуспевания державы нашей на твердых

ления о водворении государственного порядка установлением прочного строя местной жизни, как главного условия внутреннего роста нашего государства, плодотворного труда и народного благосостояния, на твердых основах веры, власти и уважения к законам.

основах веры, закона и власти.
Дан в С.-Петербурге, в 26-й день февраля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот третье, царствования же нашего в девя-

При подготовке окончательного текста заключения составители манифеста руководствовались, как видно, теми же принципами, что и при редактировании вводной части. Из редакции I в манифест не попали слова о доверии «к свободным общественным силам» (первый абзац) или о «честном единении» их с силами правительственными (второй абзац).

В окончательном виде, как показывает сопоставление редакций, манифест приобрел менее радикальный характер по сравнению с проектом, подготовленным Мещерским. Дело не только в том, что из него была исключена статья о расширении свободы слова и совести. Проявления «либерализма» Мещерского, допускаясь в его рассуждениях о гармонии свободы и самодержавия на страницах «Гражданина», также были сочтены неуместными в официальном документе и вытравлены Николаем II и Плеве.²¹ Политическая программа, провозглашенная в манифесте, предусматривала некоторое улучшение положения крестьянства, развитие местного самоуправления и усиление влияния православной церкви.

В разговоре с военным министром А. Н. Куропаткиным в апреле 1903 г. Плеве заявил о ясном понимании им задач правительственной политики. «Что прежде всего надо приподнять значение церкви. Вернуть церковному влиянию население. Увеличить значение прихода. Затем надо приподнять достаток сельского населения. Если эти цели будут достигнуты, то он надеется остановить поток недовольства, протеста и даже открытой борьбы».²² Это утверждение было сделано всего полтора месяца спустя после опубликования манифеста. Однако уже в августе 1903 г. в письме к известному своим консервативно-славянофильскими взглядами отставному генералу А. А. Кирееву Плеве вынужден был признать, что обнародование манифеста не повлекло за собой желательного превращения «в общественном мнении» и попытки привлечь к управлению страной «общественные силы» не остановили «конституционную смуту».²³

Манифест 26 февраля 1903 г можно рассматривать как одну из первых вех в ряду правительственных актов, обозначивших

определенные этапы в попытках самодержавия остановить нараставшее революционное движение обещаниями преобразований и реформ. Манифест нельзя оценивать иначе, как реакцию правительства на массовые революционные выступления в городах в 1901—1902 гг. и крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г. В истории подготовки манифеста отразились не только кризис самодержавной власти в России, но и расхождение во взглядах идеологов и охранителей самодержавия на характер необходимых реформ и предел уступок общественным требованиям. Однако, как показали дальнейшие события, предел этих уступок находился в прямой зависимости от уровня революционного движения.

В указе 12 декабря 1904 г. Сенату, появившемуся в самый канун революции, правительство пошло уже значительно дальше в своих реформаторских посулах. Январские события 1905 г. вынудили Николая II издать 18 февраля рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, положивший начало выработке проекта о созыве законосовещательной Государственной думы. Революционное движение летом 1905 г. подтолкнуло опубликование законов 6 августа об учреждении Государственной думы и выборах в нее. Наконец, в условиях Всероссийской политической стачки появился манифест 17 октября, провозгласивший основы гражданской свободы: неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний и союзов.

¹ ПСЗ III, XXIII, № 22581.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 7, с. 123.

³ Gurko V. I. Features and figures of the past. Stanford, 1939, p. 219—221

⁴ Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова (1902—1904 гг.) — Ист. архив, 1962, № 6, с. 78.

⁵ В X томе «Oxford Slavonic Papers» за 1962 г. (издатель и редактор С. А. Коналов) И. Виноградов опубликовал 12 писем к В. П. Мещерскому вел. кн. Александра Александровича за январь 1867—октябрь 1872 г. и 41 письмо Николая II за февраль 1902—сентябрь 1913 г. из частных заграничных собраний и архива Колумбийского университета (Vinogradoff I. Some russian imperial letters to prince V. P. Meshersky (1839—1914). — Oxford Slavonic Papers, 1962, v. X).

⁶ Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1979, т. XI, с. 192—205.

⁷ Там же, с. 198.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 199.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 29, л. 1—2 об.

¹² Там же.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 586, оп. 1, д. 449, л. 7.

¹⁴ Это предположение было высказано Ю. Б. Соловьевым, подвергшим критике версию В. И. Гурко и Д. Н. Любимова о появлении манифеста (Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. ..., с. 199).

¹⁵ В пользу такой точки зрения, казалось бы, могли свидетельствовать не только воспоминания В. И. Гурко и Д. Н. Любимова, но и приведенная Ю. Б. Соловьевым выдержка из дневника генерала А. А. Киреева от 12 ноября 1904 г., утверждавшего, что В. К. Плеве получил от царя только наброски манифеста и «не

знал, как быть, как понять не очень ясный текст царского послания» (Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. ..., с. 199).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 20, л. 1—2 об.

¹⁷ Там же, л. 3 и об.

¹⁸ Там же, л. 5—6.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Там же, л. 4 об.

²¹ Как показал Ю. Б. Соловьев, В. П. Мещерский начал развивать эту тему в «Гражданине» вскоре после убийства Д. С. Сипягина в апреле 1902 г. (Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. ..., с. 199—201). Впрочем, роль Мещерского в подготовке манифеста остается все-таки не в полной мере ясной. В дневниковых записях военного министра А. Н. Куропаткина и государственного секретаря А. А. Половцова Мещерский представлен противником отмены круговой поруки. 25 апреля 1902 г. Половцов записал в своем дневнике, что Государственный совет принял единогласное решение об отмене круговой поруки, «так как единственного, но упорного противника этой меры — Сипягина, по счастью для России, более не существует, а его нимфа — Эгерия. Мещерский не имеет входа в стены Марининского дворца». Половцов писал далее о хлопотах Витте, чтобы «мера эта была объявлена в форме манифеста, в котором было бы упомянуто и о сложении недоимок по выкупным платежам». 2 мая 1902 г. Половцову стало известно, что царь «не желает, чтобы закон об уничтожении круговой поруки был объявлен в какой-либо исключительной торжественной форме», и что «вопрос о сложении недоимок по выкупным платежам велено не связывать с отменой круговой поруки» (Красный архив, 1923, т. 3, с. 141—142, 144—145). Между тем уже в редакции I проекта манифеста было упомянуто о необходимости отмены круговой поруки. Если допустить, что эта редакция была самой ранней, то она была подготовлена до принятия Государственным советом соответствующего решения, ибо в переписке Николая II с Мещерским манифест упоминается впервые 18 апреля 1902 г. 16 января 1903 г. Куропаткин сделал запись в своем дневнике (со ссылкой на Витте), что Николай II «держит у себя постановление Государственного совета относительно уничтожения круговой поруки и других мер по облегчению крестьянского населения уже год времени только потому, что Мещерский написал об опасности сих мер» (Красный архив, 1922, т. 2, с. 31). Действительно, хотя решение об отмене круговой поруки было принято Государственным советом 25 апреля 1902 г., закон вступил в силу только 12 марта 1903 г., т. е. уже после опубликования манифеста (см. ПСЗ III, т. XXIII, отд. I, № 22627). Однако свидетельство Куропаткина о позиции Мещерского вызывает недоумение.

²² Дневник А. Н. Куропаткина. Запись от 14 апреля 1903 г. — Красный архив, 1922, т. 2, с. 43.

²³ В. К. Плеве — А. А. Кирееву 31 августа 1903 г. — Красный архив, 1926, т. 5 (18), с. 202. — Это письмо Плеве почти целиком было опубликовано, но без указания адресата в кн.: Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб., 1902, с. 41; см. также: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981, с. 82.